

Василий МИХЕЕВ, Сергей ИГНАТЬЕВ

ПРАКТИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ*

В настоящее время для России весьма актуальна тема стратегического планирования не только внешней политики, но также и отдельных направлений экономического, социального и гуманитарного характера, крайне важных для развития страны. В данном отношении представляется интересным изучение мирового опыта, в частности опыта государств азиатского региона. Статья посвящена анализу основных компонентов стратегического планирования социально-экономического и политического развития в странах Северо-Восточной Азии — Китае, Японии, Южной Корее. Данное исследование проводится с помощью комплексного изучения основополагающих внешнеполитических документов вышеперечисленных стран. Особое внимание авторы уделяют анализу последних китайских инициатив — «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», их возможного сопряжения с аналогичными японскими, российскими и южнокорейскими инициативами, проблемам и трудностям на пути их реализации. Авторы высказывают свое понимание практических возможностей и рисков для России в свете новых тенденций геоэкономического целеполагания в странах региона.

Ключевые слова: инициативы, Китай, Россия, Северо-Восточная Азия, регион, стратегии, стратегическое планирование, Южная Корея, Япония

JEL: F01, F02, F15, F29, F42

Стратегическое планирование в странах Северо-Восточной Азии (СВА) строится на общих принципах — определение ценностной основы, целей, механизмов и ресурсов их достижения, препятствующих или мешающих факторов и обстоятельств и т.п.

В наибольшей степени стратегическое планирование представлено в Китае: «великое возрождение нации» и построение «общества среднего достатка» [1], «социализма с китайской спецификой в новую эпоху» [2], реализация стратегии «Сделано в Китае-2025», нацеленная на превращение Китая в мирового инновационного лидера к середине столетия [3], создание, опять же к середине столетия, «передовых по мировым меркам военных, а в частности военно-космических сил» [4].

* Авторы выражают большую благодарность за помощь в написании работы сотрудникам ЦАТИ ИМЭМО РАН д-ру экон. наук А.Н. Федоровскому, д-ру ист. наук А.В. Ломанову, канд. экон. наук В.Г. Швыдко и канд. экон. наук С.А. Луконину.

По мере диверсификации экономики соотношение государственного и корпоративного уровней стратегического планирования в странах СВА постепенно меняется в сторону последнего. В Японии экономическое стратегическое планирование сегодня главным образом ведется на уровне крупных корпораций. В Южной Корее наряду с корпоративным продолжает сохраняться и государственное долгосрочное целеполагание.

В сфере безопасности стратегическое планирование Токио и Сеула основывается на военно-политических союзах этих стран с США. Особенность Японии — выдвижение стратегических (*без указания сроков*) целей сдерживания мирового и регионального влияния Китая и обеспечение «исторической справедливости» (*в понимании Токио*) в территориальных спорах с Россией, Китаем, Южной Кореей [5]. Для Сеула главные стратегические цели в области безопасности связаны с денуклеаризацией Северной Кореи и темой объединения страны.

Китайское стратегическое планирование

Основным компонентом социально-экономического развития в КНР являются пятилетние планы. В настоящее время осуществляется 13-й пятилетний план (2016—2020) [6].

Процесс составления пятилетнего плана занимает *примерно три года*. Отвечает за организацию работы Комитет по развитию и реформам при Госсовете КНР. Он проводит предварительные консультации с ведомствами и местными властями, заказывает через конкурс исследовательские разработки, составляет предварительные варианты сводного документа, организует их обсуждение, вносит исправления и т.д.

При Си Цзиньпине в рамках общего курса на рецентрализацию власти роль Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (далее — ЦК КПК) в разработке экономической политики заметно повысилась. В 2018 г. были приняты формальные решения о придании Руководящей группе ЦК КПК по всестороннему углублению реформ и Руководящей группе ЦК КПК по экономике и финансам более высокого статуса комиссий [7]. Пространство для собственных решений Госсовета КНР сократилось, а фигура премьер-министра Ли Кэцзяна стала технической.

На официальном уровне в Китае регулярно звучат напоминания, что продвижение вперед методом проб и ошибок («переходить реку, нащупывая камни»), как это было в начальный период реформ, более невозможно. Необходимо поставить на первое место «проектирование сверху» в области государственной политики. Цена ошибки может оказаться очень высокой и привести к непоправимым последствиям, в связи с чем указывается на необходимость «повышать качество стратегического планирования».

В ноябре 2013 г. пленум ЦК КПК поставил задачу «активизировать строительство мозговых центров нового типа с китайской спецификой, создать прочную систему консультирования при принятии решений». Власти рассчитывали решить две задачи одновременно, используя «*think-tanks*» и как инструменты проекции «мягкой силы»

за рубежом, и как источники аналитического обеспечения государственной политики [8]. В условиях одновременного увеличения доступных финансовых ресурсов и усиления идеологического контроля китайские «*think-tanks*» ориентируются на государство и его заказы. Участниками открытых дискуссий по поводу обоснованности государственной политики они не являются.

Вызвавший сильный резонанс на Западе план «Сделано в Китае-2025» рассчитан на десятилетие, обнародован Госсоветом КНР в мае 2015 г. Он охватывает *десять направлений*: робототехника, информационные технологии нового поколения, авиация и космонавтика, судостроение, рельсовый транспорт, транспортные средства энергосберегающие и на новых источниках энергии, энергетическое оборудование, сельскохозяйственная техника, новые материалы, биофармакология и высокотехнологичное медицинское оборудование [9].

Программа состоит из трех шагов. После выхода на заявленные цели в 2025 г., далее в 2035 г. вывести Китай в ряды мировых производителей, а к 2050 г. добиться лидерства. Похожая схема присутствует в прочих сферах долгосрочного планирования, включая военное: к 2020 г. базовая модернизация вооруженных сил Китая, к 2035 г. — модернизация в целом и выход на уровень развитых стран, к 2050 г. — оказаться на уровне мирового военно-технологического лидера. Горизонт стратегических целей уходит более чем на тридцать лет вперед.

При этом развитие ситуации в формате «торговой войны» Китая с США в 2018—2019 гг. показало критическую зависимость китайского экономического и военного целеполагания от американской экономики. Американское давление на китайские высокотехнологичные предприятия продемонстрировало реальную уязвимость Китая в случае возникновения проблем с получением импортных компонентов. Это привело к изменению тона китайского обсуждения уровня научно-технологического развития. Стало больше выступлений с признанием отставания (электронные компоненты, авиационные двигатели) и необходимости преодолеть его с опорой на национальную научно-технологическую базу.

Японский ракурс

Стратегическое планирование в Японии получило развитие на двух уровнях — корпоративном и правительственном. При этом между ними существуют различия с точки зрения целеполагания, содержания и методологии.

На правительственном уровне элементы долгосрочного планирования использования ресурсов страны получили развитие с 1950-х годов в виде национальных программ («планов») развития сроком на 5—7 лет, подкрепленных возможностью правительства и его институтов использовать бюджетные, а в первые послевоенные десятилетия — и большое количество административных рычагов для перераспределения финансовых и материальных ресурсов в пользу приоритетных сфер и достижения приоритетных целей [10].

По мере развития экономики и усложнения связей внутри нее экономическая составляющая этих планов становилась менее значимой, поскольку превращалась из неформальных директив частным компаниям в аналитическое обобщение стихийно формирующихся тенденций с попыткой прогнозирования их развития в обозримом будущем. Так называемое «административное руководство» со стороны экономических ведомств в отношении частных корпораций уже к 1990-м годам *фактически сошло на нет, а традиционные рычаги* селективной экономической политики (кредиты «институтов развития», налоговые льготы и бюджетные субсидии) *утратили роль направляющей силы* роста и инструмента формирования структуры экономики.

К настоящему времени *философия стратегического планирования* в Японии *коренным образом* изменилась и переориентирована на принятие и периодическую корректировку относительно компактных документов («стратегий»), формулирующих основные вызовы развитию страны и пути их преодоления. Главное предназначение этих документов — постулирование целей правительственной политики, ориентирование ведомств и неправительственных акторов на постановку ими задач, увязанных с наблюдаемыми мегапроцессами и тенденциями, а также организацию диалога с обществом для корректировки правительственных оценок и целей. Правительство отказалось от постановки даже индикативных детализированных количественных целей, ограничиваясь прогнозом основных тенденций и пропорций, а также направлений роста бюджетных расходов. Ушли в прошлое и многочисленные межведомственные согласования и общественные советы — разработка документов становится делом компактных экспертных групп, не связанных жесткими бюрократическими процедурами.

Другая новая особенность — возросшая комплексность и компактность правительственных стратегических документов. Компактность современных «стратегий» позволяет постулировать взаимозависимость и раскрывать механизмы перекрестного влияния целей и задач, формулируемых в различных областях — в экономике, социально-политической жизни, обеспечении безопасности и сохранении комфортной природной среды.

На корпоративном уровне долгосрочное планирование в Японии возникло как реакция на рост масштабов корпораций и диверсификацию сфер их деятельности. К настоящему времени все крупнейшие японские корпорации имеют собственные прогнозно-аналитические службы и периодически публикуют документы стратегического характера, расставляющие приоритеты и акценты долгосрочного планирования своей деятельности. Вместе с тем динамичные изменения в технической базе производственной деятельности и дистрибуции, а также рост факторов неопределенности в глобальной и национальной экономиках в последнее время ведут к тому, что горизонты планирования сокращаются, а сам процесс становится более гибким и динамичным. Вместе с тем потребность в долгосрочном видении ситуации с учетом постоянно происходящих изменений не только не сокращается, но, напротив, возрастает.

Южная Корея

На государственном уровне порядок стратегического планирования предполагает следующие этапы:

1. Создание рабочей группы, включающей представителей министерств и ведомств, региональных администраций, научных и экспертных организаций.
2. Подготовка проекта предлагаемого решения.
3. Публичное его обсуждение.
4. Анализ итогов обсуждения представителями министерств и Государственного Совета (орган государственного управления при президенте).
5. Утверждение президентом.
6. Представление проектов законов на утверждение парламентом.

При этом синтезируются государственные приоритеты решения внутренних задач, корпоративное планирование, практикуемое ведущими южнокорейскими корпорациями, и территориальное планирование. Приоритеты этих инициатив далеко не идентичны, но есть объединяющая их в последнее время ключевая черта — *включение решения национальной проблемы в международный контекст*.

Например, в южнокорейском руководстве подчеркивают, что страна стоит на перепутье «между ростом и стагнацией». К числу *важнейших вызовов* относят старение населения, низкие показатели рождаемости, безработицу среди молодежи, территориальные диспропорции, а также экологические проблемы и четвертую индустриальную революцию. Подходы к решению этих проблем увязываются с преодолением негативных последствий раскола Кореи и повышением внешнеполитической роли страны. Попытка придания таким разнородным действиям концептуального характера, их координация и синтезирование в общий экономический курс развития страны нашли свое выражение в движении Мун Чжэ Ином инициативы «Новая Экономическая Карта» (*New Economic Map*) [11]. Обозначена программа масштабного и долгосрочного сотрудничества с КНДР, которая стала бы частью региональной стратегии превращения Северо-Восточной Азии в зону мира и сотрудничества.

В предлагаемой администрацией Мун Чжэ Ина стратегии намечается поэтапное формирование сначала креативных экономических и политических реалий и «нового порядка на Корейском полуострове», который приведет к созданию «нового порядка в Северо-Восточной Азии» за счет перехода от конфронтации к сотрудничеству, внося тем самым существенный вклад в обеспечение региональной безопасности и поддержание мира в АТР. Экономическую базу регионального сотрудничества связывают с возможным появлением, после решения ядерной проблемы КНДР, «индустриальных поясов» в КНДР, ориентированных на взаимодействие двух корейских государств, КНР, России и других стран региона [12].

Новое направление в Северо-Восточной Азии

В последние годы в странах Северо-Восточной Азии появляется *новое направление геоэкономического стратегического планирования*, нацеленного на внешнюю экспансию национальных капиталов, товаров и услуг и на этой основе на усиление глобальных и региональных политических позиций стран.

Своего рода первопроходцем здесь стал Китай, обладающий наиболее представленной компонентой долгосрочного целеполагания в экономической политике. Запущенные в 2013 г. китайские глобальные стратегические инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (далее — ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века» (далее — МШП) получают сегодня наиболее заметное развитие.

Южная Корея при нынешней администрации Мун Чжэ Ина выступила с региональными геоэкономическими инициативами: Новая Северная политика, направленная на развитие экономического сотрудничества с Центральной Азией, Россией, Северной Кореей, и Новая Южная политика, ориентированная на страны Юго-Восточной Азии [13].

Геоэкономические стратегические инициативы как усиливают *взаимные подозрения стран и их конкуренцию* за новые поля экономического и политического влияния, так и стимулируют *вызревание новых идей сотрудничества* в рамках такого рода инициатив.

Примером конкурентного целеполагания здесь может служить новая инициатива Японии под названием «Азиатско-Африканский коридор роста», предполагающая разработку — при привлечении капиталов рыночных экономик США, Австралии и Индии — конкурентной стратегии китайскому Шелковому пути на экономическом пространстве Индийского океана, Африки и Тихоокеанской Азии [14].

Примером кооперативистского целеполагания можно считать последние инициативы Сеула о сопряжении китайского Шелкового пути и Новой Северной политики Сеула на стыке экономик Северной Кореи, Китая и Дальнего Востока России.

В самое последнее время повышенное внимание к китайскому геоэкономическому целеполаганию формируется в Европе. В 2019 г. на фоне нарастающей европейской и американской критики Китая за «создание долговых ловушек» для стран-реципиентов китайского капитала ЕС выступает с собственной, альтернативной Китаю, инициативой глобальной «связанности» (*connectivity*). Инициатива ЕС, в интерпретации ее авторов, предполагает «более мягкие и менее обязывающие» варианты участия Европы в развитии менее «продвинутых» сегментов мировой экономики, хотя деловой конкретики здесь, видимо, предстоит еще подождать [15].

Для России геоэкономические инициативы и идеи их сопряжения открывают своего рода «форточку» новых деловых возможностей. При этом наиболее перспективным представляется *китайская стратегическая активность*.

Китайская инициатива «Один пояс, один путь»

Китайская инициатива «Один пояс, один путь» (далее — ОПОП) в официальной трактовке включает две составляющие: инициативу «Экономический пояс Шелкового пути» и инициативу «Морской Шелковый путь XXI века».

Главная цель инициативы — создание/модернизация транспортных маршрутов из Китая в Европу и формирование вдоль них точек экономического роста. Сухопутный маршрут планируется через страны Центральной Азии и Ближнего Востока (ЭПШП). Морской — традиционный морской транспортный маршрут через Тихий, Индийский океаны и Средиземное море (МШП) [16].

Точки экономического роста формируются за счет инвестирования китайского капитала в крупные инфраструктурные проекты, которые традиционно испытывают недостаток финансирования в связи с их высокой капиталоемкостью, политическими и экономическими рисками.

Инфраструктурные проекты осуществляются китайскими компаниями на основе китайского оборудования и технологий. Финансирование предоставляется китайскими финансовыми институтами на льготных условиях. Формируемый таким образом дополнительный спрос на китайскую продукцию позволяет загрузить избыточные производственные мощности внутри Китая и создать дополнительные стимулы к увеличению выпуска и экспорта высокотехнологичной продукции.

Экономический пояс Шелкового пути

Общей целью инициативы объявлено стимулирование развития и модернизации китайской экономики и нацеленность на решение нижеперечисленных задач:

1. **«Утилизация» избыточного капитала**, поскольку дальнейшие инвестиции в основные фонды внутри страны приведут к усугублению сложившихся дисбалансов: созданию избыточных производственных мощностей; ухудшению экологии; росту корпоративного долга; торможению смены модели экономического развития «инвестиции + экспорт» на модель «внутреннее потребление».

2. **Создание дополнительного спроса** на продукцию избыточных мощностей, расположенных внутри Китая (металлургическая, цементная, стекольная промышленность и др.) и на «новую» китайскую высокотехнологичную продукцию (формирование дополнительного стимула к ускорению модернизации экономики).

3. **Создание дополнительного стимула** для дальнейшей реализации государственной программы выхода китайского бизнеса «во вне». Фактически — это подготовка зарубежных территорий к приходу китайских, на первом этапе, крупных государственных компаний, на последующих этапах — частных малых и средних предприятий.

4. **Ось инициативы** — это реализация крупных инфраструктурных проектов, в частности, строительство «под ключ» высокоскоростных железнодорожных магистралей (далее — ВСМ). Проекты ВСМ выбраны

в качестве одного из главных драйверов экономического развития Китая, т.к. обладают высоким экспортным потенциалом и позволяют использовать избыточные ресурсы, а также создавать дополнительный спрос на китайскую высокотехнологичную продукцию в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Предполагается, что при реализации проектов ВСМ за китайскими крупными государственными компаниями последуют частные производители оборудования, программного обеспечения, провайдеры инжиниринговых и сервисных услуг, а также банки, страховые и др. компании.

На современном этапе ЭПШП — это неинституализированный процесс развития двусторонних торгово-экономических отношений со странами Африки, Центральной Азии, Ближнего Востока, Центральной и Восточной Европы (далее — ЦВЕ).

Плана реализации ЭПШП с конкретными количественными ориентирами нет, заданы только концептуальные основы. ЭПШП — это *процесс-бренд*, в рамках которого могут осуществляться любые проекты, направленные на достижение основной цели — поддержки экономического развития внутренних районов Китая.

Реализация ЭПШП увязывается с региональными программами развития «Идти на Запад» (развитие Западного Китая), «Возрождение промышленной базы Северо-Восточного Китая» и развития «Центрального Китая». Целью всех программ является выравнивание уровня экономического развития страны.

Финансовой платформой инициативы ЭПШП является сеть китайских и созданных Китаем международных финансовых институтов.

Прежде всего — это *Фонд Шелкового пути* объемом 40 млрд долл. с направленностью на инфраструктурные инвестиции. Фонд действует в соответствии с китайским законодательством, в его проектах могут принимать участие иностранные инвесторы.

К финансированию проектов также может быть привлечен капитал Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (потенциально 100 млрд долл.) и Банка БРИКС (потенциально 100 млрд долл.).

Планируется создание фонда поддержки предприятий (30 млрд долл.), которые будут экспортировать китайские промышленные товары по Шелковому пути. Китайская инвестиционная корпорация формирует механизм поддержки прямых инвестиций объемом более 40 млрд долл. Предполагается также привлечение Китайского банка развития, Экспортно-импортного и Сельскохозяйственного банков Китая для более глубокого участия в реализации проектов ЭПШП.

Основным финансовым механизмом реализации проектов ЭПШП является предоставление кредитов китайскими финансовыми институтами на реализацию инфраструктурных проектов. Главное условие получения финансирования — использование китайского оборудования, товаров, услуг и рабочей силы.

Точного перечня проектов, осуществляемых в рамках ЭПШП, нет. Есть т.н. базовые мегапроекты.

К базовым проектам ЭПШП относят экономический коридор «Китай — Пакистан», железную дорогу «Китай — Казахстан —

Узбекистан — Туркменистан — Иран», газопровод «Центральная Азия — Китай», сухопутный порт Хоргос на китайско-казахстанской границе, транспортный коридор «Китай — Великобритания».

В последнее время появляется все больше сообщений о проблемах в реализации проектов Пояса и Пути. Например, МВФ заявил о риске попадания стран-партнеров Китая в т.н. «долговую ловушку» к Пекину, который, по мнению экспертов МВФ, «не преминет ею воспользоваться», чтобы «заполучить эти страны в свои вассалы» [17].

В Европе власти ведущих европейских государств заявляют о политике Китая, направленной на «разрушение единства» ЕС вследствие китайской активности в странах Восточной Европы [18].

Если отбросить политическую и идеологическую составляющие, лейтмотивом практически всех сообщений в СМИ и аналитических докладах является, с одной стороны, опасение усиления политического влияния Китая в мире и его военного присутствия, а с другой, — недовольство закрытостью проектов для местных поставщиков товаров и рабочей силы.

Морской Шелковый путь XXI века

Как отчасти отмечалось выше, стратегия «Морской Шелковый путь XXI века» представляет собой морской компонент китайской инициативы ОПОП. С географической точки зрения, основными направлениями МШП являются маршруты через Индийский океан и южную часть Тихого океана, т.н. «голубые экономические коридоры».

В соответствии с Концепцией морского сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь», с помощью реализации МШП китайское правительство планирует поддержать экономическое развитие юго-восточных и юго-западных провинций КНР, выстроить сотрудничество между участниками проекта, а также обеспечить безопасность морских торговых путей в Индо-Тихоокеанском регионе (далее — ИТР) [19].

На практике «морское целеполагание» представляет собой *предельно конкретный* выбор портовых проектов, которые могли бы использоваться как в экономических, так и в военных целях.

Китайское правительство фокусирует усилия на инвестировании в развитие портовой инфраструктуры в странах Индо-Тихоокеанского региона. Порты Гвадар, Джибути, Коломбо, Хамбантота, Кьяукпью имеют важное стратегическое значение и расположены вблизи от главных линий коммуникаций. С военно-политической точки зрения, данные порты являются глубоководными и могут быть использованы как для гражданских, так и для военных целей, что создает потенциал для расширения военного присутствия ВМФ НОАК в Индийском океане.

Строящийся в Пакистане глубоководный порт Гвадар является *связующим звеном между морским и сухопутным* компонентами китайской инициативы «Пояс и путь». Помимо этого, он имеет ключевое значение для реализации экономического коридора «Китай — Пакистан».

В Джибути создана *первая военная база Китая за рубежом*. Она выполняет задачи материально-технического обеспечения ВМС КНР.

Важное стратегическое расположение базы в Джибути, по мнению китайских военных аналитиков, позволяет китайскому флоту «проводить спасательные операции и выполнять задачи по охране судов от нападения пиратов» в Аденском заливе и у берегов Сомали. На Западе это склонны считать скорее усилением глобального военного присутствия Китая [20].

В январе 2019 г. Китай завершил проект расширения порта Коломбо в Шри-Ланке. Другой проект КНР в Шри-Ланке — порт Хамбантота. Китай получил его в аренду на 99 лет после того, как правительству Шри-Ланки, отчасти в подтверждение тезисов МВФ о «долговой дипломатии» Китая, не удалось погасить задолженность перед Пекином. Это, по мнению иностранных наблюдателей, может служить примером того, когда государство оказывается неспособным платить по долгам и вынуждено пойти на уступки путем «передачи части своей территории». При этом, правда, Китай, отвечая на упреки в свой адрес, *пообещал Индии не создавать в Хамбантоте военно-морскую базу*. Однако, как полагают индийские эксперты, вместо этого КНР может основать там пункт материально-технического обеспечения и «пропагандистски заявить», что это «послужит укреплению безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе».

Порт Кьяукпью необходим Китаю для обеспечения функционирования газопровода и нефтепровода из Мьянмы в китайскую провинцию Юньнань, а также для частичного снижения зависимости от поставок энергоресурсов через Малаккский пролив.

Желание Китая утвердиться на Мальдивах объясняется близостью островного государства к ключевым морским торговым путям и к военно-морской и военно-воздушной базе США на острове Диего-Гарсия.

В рамках стратегии МШП заметна активизация внешней политики Китая в Африке. В Кении Китай модернизирует железную дорогу, которая свяжет Найроби с крупнейшим портом страны Момбаса. Ряд американских экспертов уже предполагает возможность приобретения КНР данного порта в аренду и усиление присутствия ВМС НОАК на восточном побережье Африки.

По мысли *китайских геоэкономических и геополитических стратегов*, развитая портовая инфраструктура за рубежом позволит Китаю решать следующие задачи: с одной стороны, осуществлять дозаправку и ремонт кораблей, проводить учения ВМС КНР, бороться с пиратством, морским терроризмом и транснациональными преступными группировками, обеспечивать охрану торговых судов; с другой, — проводить разведывательную деятельность для составления карт потенциального театра военных действий в Индо-Тихоокеанском регионе.

Реализация Китаем МШП встречает неоднозначную реакцию у ключевых стран региона. США видят в нем стратегическую угрозу американской концепции «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона» [21]. У Индии вызывает озабоченность расширение военного присутствия Китая в Индийском океане, который в Нью-Дели рассматривается в качестве сферы традиционных индийских национальных интересов. Зависимая от импорта энергоносителей Япония опасается появления у Пекина возможности контролировать поставки энерго-

ресурсов в Северо-Восточную Азию. В Австралии обеспокоены увеличивающимися по мере реализации проектов МШП возможностями вмешательства со стороны Китая во внутренние дела стран региона, не исключая Канберры.

Противодействие со стороны региональных держав китайской инициативе видится в объединении «рыночных демократий» против китайского доминирования на море. В последнее время происходит реанимация Четырехстороннего диалога по безопасности с участием Австралии, Индии, США и Японии (*Quad*). Сотрудничество в рамках данного формата осуществляется по следующим направлениям [22]:

1. Повышение уровня взаимной осведомленности о ситуации на море.

2. Совместное морское патрулирование для защиты исключительной экономической зоны (далее — ИЭЗ) стран Диалога и их партнеров и союзников.

3. Создание экономических и инвестиционных альтернатив китайскому МШП в регионе. Во исполнение этой идеи в конце 2018 г. США заявили о намерении инвестировать 60 млрд долл. в развитие инфраструктуры стран Индо-Тихоокеанского региона.

В тоже время между странами Четырехстороннего диалога по безопасности *отсутствует политическая скоординированность в долгосрочном понимании проблемы*. Уязвимым местом Диалога является и отказ от институционализации его деятельности, что придает ему скорее неформальный характер формата без обязательств.

И все же, даже не объединенный, но параллельно нацеленный на сдерживание военно-морских амбиций Китая военно-политический потенциал четырех стран *Quad* формирует серьезные стратегические вызовы китайской инициативе МШП в ее военной составляющей.

Наиболее сильные «рычаги влияния» в регионе традиционно имеются у США. Вновь образованное единое командование Индо-Тихоокеанским флотом сосредоточило в своих руках контроль за зонами ответственности одновременно в Тихом и в Индийском океанах.

Военный флот Индии присутствует на Андаманских и Никобарских островах. У Нью-Дели имеется соглашение с Оманом об использовании ВМС Индии порта Дукм вблизи побережья Аравийского моря. Индия уделяет важное внимание развитию военных отношений с Сейшельскими островами, где в ближайшее время индийское правительство намерено основать военно-морскую базу. В декабре 2018 г. Индия взяла в аренду сроком на 18 месяцев иранский порт Чабахар. Он должен стать ключевым «хабом» в транзите грузов между Афганистаном, Индией и Ираном в обход экономического коридора «Китай — Пакистан».

Япония, как уже отмечалось выше, продвигает собственную инициативу экономического и, в пропагандистский противовес Китаю, невоенного характера — «Азиатско-Африканский коридор роста». Хотя, как представляется, по своему неконкретному содержанию и слабо прописанным практическим планам реализации данная инициатива вряд ли может рассматриваться равновеликим конкурентом китайскому МШП.

Место для России

В стратегическом смысле Россия кооперативистски подходит к китайской инициативе ОПОП, видя здесь возможности ее сопряжения с российскими долгосрочными стратегиями ЕАЭС, «Большого Евразийского партнерства» и Северного морского пути. Вместе с тем, китайская стратегия содержит не только возможности, но и риски для России.

Для России участие в ЭПШП — это, стратегически, *возможность* использования китайского капитала для строительства и модернизации инфраструктурных объектов, в частности, для привлечения китайских инвестиций для создания транспортных путей, логистических узлов, производственных кластеров. Тем самым китайский «Шелковый путь» косвенно формирует и среду для привлечения в Россию капитала из других стран, например, Японии, Южной Кореи и т.д. Фактически участие в ЭПШП, как ни парадоксально, может позволить России *избежать экономической сверхзависимости* от Китая за счет создания привлекательной для иностранных инвесторов среды при участии того же китайского капитала.

Однако Россия может столкнуться с рисками.

Во-первых, это вероятная неэффективность проектов при их ресурсоемкости.

Как отмечалось выше, главные цели стратегии ЭПШП — это модернизация самой китайской экономики, создание международного рынка сбыта для китайской продукции, стимулирование экспорта китайского капитала. Следовательно, приоритетные проекты для китайских инвестиций будут определяться исходя из их «полезности» для китайской, а не российской экономики. Кроме того, как правило, Китай стремится к финансированию проектов в формате связанных кредитов. Получение китайских инвестиций под российские государственные гарантии фактически означает, что, даже если проект станет коммерчески невыгодным и не будет приносить прибыль, платить России за него все равно придется.

Во-вторых, это потеря контроля над инфраструктурными проектами.

Появляются примеры (правда, пока редкие) использования китайскими компаниями условий договора финансирования строительства объектов инфраструктуры *для получения, при возможности, контроля над компаниями-реципиентами*. Например, это может произойти, если по условиям договора финансирования в случае задержки строительства и ввода объекта в эксплуатацию, контроль над российской компанией-партнером переходит к китайской компании. Для получения такого контроля китайские компании могут специально затягивать перевод средств в рамках кредитной линии, срывая сроки строительства и ввода в эксплуатацию объектов сотрудничества.

В-третьих, это исключение российских компаний из круга потенциальных участников реализации проекта.

Связанные кредиты на строительство инфраструктурных объектов всегда предполагают использование китайской высокотехнологичной

продукции, а также продукции, производимой на избыточных мощностях внутри Китая. Инженерные работы выполняются китайскими компаниями (ТЭО, сам проект и т.д.), строительство контролируется китайскими «голубыми воротничками». Фактически национальные поставщики стран-реципиентов, в т.ч. и России, *исключаются из его реализации*.

Наконец, это возможное замедление технологического обновления национальной промышленности и создание дополнительной нагрузки на экологию, т.к. существуют риски переноса в Россию китайских устаревших технологий и формирования в России зоны действия устаревших китайских технических и экологических стандартов.

Для России *стратегическое значение китайского морского Шелкового пути представляется менее значимым, чем сухопутного Шелкового пути*. На сегодняшний день основные стратегические интересы Москвы лежат за пределами зоны функционирования МШП.

В самом Индо-тихоокеанском регионе Россия делает ставку на двусторонние военно-политические отношения с двумя ключевыми игроками — Китаем и Индией, стараясь оставить «за скобками» нестабильный характер то ухудшающихся, то улучшающихся китайско-индийских отношений. Что касается обсуждаемой сегодня идеи выхода России в АТР через АСЕАН, то она требует не просто дальнейшей проработки, но и ясного представления о ее финансовом наполнении. И в этом вопросе китайская инициатива Морского Шелкового пути, работающая на китайские позиции в регионе, видится, скорее *как конкурент России*, чем «помощник».

* * *

Современные тенденции в развитии стратегического экономического планирования в СВА не только выявляют значительное лидерство Китая перед другими странами региона (Японией, Южной Кореей), но и приводят к стратегическим политическим выводам. За счет применения нового инструментария геоэкономического долгосрочного целеполагания в варианте стратегий Шелкового пути Китай не просто стремится объединить внутриэкономическое и внешнеполитическое содержание стратегического планирования, но и позволяет говорить о вступлении в новую фазу своего развития, когда стратегическое целеполагание выходит за рамки самого Китая и приобретает глобальный смысл и глобальное содержание.

А это уже «пища для ума» или просто вызов для аналитиков и политиков, партнеров и конкурентов Китая.

Список литературы

1. «Важнейшая задача КНР — строительство общества среднего достатка, великое возрождение нации и создание “прекрасного Китая” [Электронный ресурс]. URL: <http://am.chineseembassy.org/rus/xwdt/t1350985.htm>
2. 关于坚持和发展中国特色社会主义的几个问题 = Several Issues on Adhering to and Developing Socialism with Chinese Characteristics // Xinhua. 2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-03/31/c_1124307481.htm
3. 国务院关于印发《中国制造2025》的通知 = Made in China 2025 // The State Council of the People's Republic of China. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm
4. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2019 // U.S. Department of Defense. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf
5. Diplomatic Bluebook 2018: Japanese Diplomacy and International Situation in 2017 // Ministry of Foreign Affairs, Japan. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000401236.pdf>
6. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 = Outline of the Thirteenth Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China // Xinhua. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016lh/2016-03/17/c_1118366322.htm
7. Цыплаков С.С. Как в Китае выполняются заветы Дэн Сяопина // Независимая газета. 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2018-10-28/10_7341_china.html
8. 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定 = Decisions of the Central Committee of the Communist Party of China on Several Major Issues Concerning Comprehensively Deepening Reform // The Central People's Government of the People's Republic of China. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm
9. 国务院关于印发《中国制造2025》的通知 = Made in China 2025 // The State Council of the People's Republic of China. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm
10. Japan Vision 2050: Principles of Strategic Science and Technology Policy Toward 2020 // Science Council of Japan. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scj.go.jp/en/vision2050.pdf>
11. Lee Jae-Young. The New Northern Policy and Korean-Russian Cooperation // Valdai Papers. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://valdaiclub.com/files/16143/>
12. Kim Rahn. Moon Seeks Three-Way Economic Cooperation with NK, Russia // The Korea Times. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/06/103_251013.html
13. Lee Sang Hyun. Northeast Asia Plus Community of Responsibility: Platform for Peace and Cooperation [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/dns123/Downloads/Session2%252CPanel1_LEE%20Sang%20Hyun%2528ENG%2529%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/dns123/Downloads/Session2%252CPanel1_LEE%20Sang%20Hyun%2528ENG%2529%20(2).pdf)
14. Asia Africa Growth Corridor: Partnership for Sustainable and Innovative Development // Research and Information System for Developing Countries; Economic Research Institute for ASEAN and East Asia; Institute of Developing Economies Japan External Trade Organization. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eria.org/Asia-Africa-Growth-Corridor-Documents.pdf>
15. Connecting Europe and Asia — Building blocks for an EU Strategy // European Commission. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://eeas.europa.eu/sites/eeas/>

files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf

16. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

17. IMF chief urges China to focus on “belt and road” sustainability // The Guardian. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/apr/26/belt-and-road-forum-xi-jinping-promises-transparency-to-ease-concerns>

18. Brinza A. From growth opportunity to threat: how the world has changed its mind on China's belt and road // South China Morning Post. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/hong-kong/article/2176536/growth-opportunity-threat-how-world-has-changed>

19. «Одна из целей «Инициативы пояса и пути» – развитие сотрудничества в области морского транспорта» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-06/20/content_5203985.htm

20. China formally opens first overseas military base in Djibouti // Reuters. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-djibouti/china-formally-opens-first-overseas-military-base-in-djibouti-idUSKBN1AH3E3>

21. National Security Strategy of the United States of America // The White House Official Website. December. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

22. Huong Le Thu. New perspectives for the revived Quad // The Strategist. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/new-perspectives-for-the-revived-quad/>

NORTHEAST ASIA STRATEGIC PLANNING PRACTICES

Currently, the topic of strategic planning is very relevant for Russia. This applies not only foreign policy, but also certain economic, social, and humanitarian areas, which are all crucial for the development of the country. In this regard, it is interesting to study the world experience, in particular the experience of the Asian region countries. The article is devoted to analysis of the main components of the strategic planning of socio-economic and political development in China, Japan, and South Korea. This study is carried out with the help of a comprehensive study of the fundamental foreign policy documents of the above countries. The authors pay special attention to analyzing the latest Chinese initiatives of the Silk Road Economic Belt and the Maritime Silk Road Initiative of the XXI century, their possible link with similar Japanese, Russian and South Korean initiatives, problems and difficulties in their implementation. The authors express their vision of practical opportunities and risks for Russia in the light of new trends in strategic planning in the countries of the studied region.

Keywords: China, initiatives Russia, Northeast Asia, region, strategies, strategic planning, Japan, South Korea

JEL: F01, F02, F15, F29, F42

Дата поступления — 07.05.19 г.

МИХЕЕВ Василий Васильевич

академик РАН, заместитель директора;
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской
академии наук / Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997.
e-mail: mikheev@imemo.ru

ИГНАТЬЕВ Сергей Владимирович

младший научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской
академии наук / Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997.
e-mail: ignatyev.serge@gmail.com

MIKHEEV Vasily V.

Academician (Full Member) of Russian Academy of Sciences, Deputy Director;
Federal State budgetary Institute of Science Primakov National Research
Institute of World Economy and International Relations, RAS (IMEMO) /
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.
e-mail: mikheev@imemo.ru

IGNATEV Sergei V.

Junior Research Fellow;
Federal State budgetary Institute of Science Primakov National Research
Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of
Sciences (IMEMO) / 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.
e-mail: ignatyev.serge@gmail.com

Для цитирования:

Михеев В., Игнатъев С. Практика стратегического планирования
в Северо-Восточной Азии / *Федерализм*. 2019. № 2. С. 156–171.